

УДК: 81'42:003.086

DOI: 10.35254/bsu/2024.67.04

*Козуев Д.И, д. ф. н.
БГУ им. К. Карасаева, профессор*

*Жээнбекова Ч.М.
Международный университет Ала-Тоо, ст.преп.
zheenbekovac@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСКУРС, ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ И ПУНКТУАЦИЯ

Аннотация

В статье исследуется роль знаков препинания в литературном дискурсе, уделяется внимание их влиянию на структурирование текста, формирование смысла и восприятие произведения читателем. Дискурс определяется как связный текст, обладающий онтологическими и гносеологическими свойствами, и проводится различие между узуальным и окказиональным использованием знаков препинания в тексте. Первые используются для придания произведению ясности и однозначности, вторые - для достижения особых стилистических эффектов. Знаки препинания играют важную роль в организации смысловой структуры текста и способствуют смыслообразованию, расставляя акценты и выделяя ключевые моменты. В целом, пунктуация играет важную роль в кодировании и декодировании смысла, помогая автору выразить свои идеи и намерения, а читателю - правильно их интерпретировать.

Ключевые слова: языковые средства, интерпретация текста, стилистическая выразительность, лингвистический анализ, текстовая структура, авторская интенция, читательское восприятие, коммуникативная функция, экспрессивность, интертекстуальные связи.

*Козуев Д.И, ф. и. д.
К. Карасаев атындагы БМУ, профессор*

*Жээнбекова Ч.М.
Ала-Тоо Эл аралык университети,
ага окутуучу
zheenbekovac@mail.ru*

АДАБИЙ ДИСКУРС, ДИСКУРСТУН ТҮРЛӨРҮ ЖАНА ПУНКТУАЦИЯСЫ

Кыскача мазмуну

Макалада пунктуация белгилеринин адабий дискурстагы орду каралып, алардын тексттин түзүлүшүнө, маанисинин калыптанышына жана окурман тарабынан кабыл алынышына тийгизген таасирине көңүл бурулат. Дискурс онтологиялык жана гносеологиялык касиеттерге ээ болгон ырааттуу текст катары аныкталып, текстте тыныш белгилеринин демейки жана сейрек колдонулушу айырмаланат. Биринчилери дискурска ачык-айкындуулукту берүү үчүн, экинчилери - өзгөчө стилдик эффекттерге жетишүү үчүн

колдонулат. Тыныш белгилер тексттин семантикалык түзүлүшүн уюштурууда маанилүү роль ойноп, маанини түзүүгө, басым коюуга жана негизги ойлорду бөлүп көрсөтүүгө көмөктөшөт. Тыныш белгилер тексттин семантикалык түзүлүшүн уюштурууда маанилүү роль ойноп, маанини түзүүгө, басым коюуга жана негизги ойлорду бөлүп көрсөтүүгө көмөктөшөт. Жалпысынан алганда, пунктуация маанини коддоодо жана чечмелөөдө маанилүү роль ойнойт, авторго өз оюн жана ниетин билдирүүгө жана окурманга аларды туура чечмелеп берүүгө жардам берет.

Түйүндүү сөздөр: лингвистикалык каражаттар, текстти интерпретациялоо, стилистикалык экспрессивдүүлүк, лингвистикалык анализ, тексттин түзүлүшү, автордун ниети, окурмандын кабыл алуусу, коммуникативдик функция, экспрессивдүүлүк, тексттер аралык байланыш.

Kozuev D.I.,

Ph.D., professor of BSU named after K. Karasaev

Jeenbekova Ch.M.

Senior lecturer, Ala-Too International University

LITERARY DISCOURSE, ITS VARIETIES AND PUNCTUATION

Abstract

The article explores the role of punctuation marks in literary fiction discourse, focusing on their impact on text structuring, meaning formation, and the reader's perception of the work. Discourse is defined as a coherent text with ontological and epistemological properties, and the article distinguishes between the usual and occasional use of punctuation marks in a text. The former provides clarity and unambiguity to the work, while the latter is used to achieve special stylistic effects. Punctuation marks are essential in organizing the semantic structure of the text and contribute to meaning-making by setting accents and emphasizing key points. Overall, punctuation plays an important role in encoding and decoding meaning, helping the author express their ideas and intentions while allowing the reader to interpret them correctly.

Keywords: language means, text interpretation, stylistic expressiveness, linguistic analysis, text structure, author's intention, reader's perception, communicative function, expressiveness, intertextual relations

В 80-е годы прошлого столетия языковеды пришли в результате понятийно-когнитивного подхода к лингвистическому анализу языковых объектов и явлений, что «дискурс – это такой же объект лингвистического исследования, как морфема (для морфологии), словосочетание (для синтаксиса) и т.п. Более того, дискурс является даже более важным, центральным объектом лингвистики, так как он заведомо не является теоретическим конструктом» [1, с. 127].

Под дискурсом обычно понимают устно-письменный текст небольшого объема, который является относительно обозримым для воспринимающего реципиента, а, следовательно, и для самого исследователя. Такой дискурс пронизывает повседневную жизнь во всех его функциональных стилях и является в своей сущности речевым образованием, который имеет свою реализацию в самых разнообразных стилевых жанрах языка: в научном, в публицистическом, в прессе, в средствах

массовой информации, в рекламе, даже в художественных произведениях [2, с. 18-19], [3, с. 14-15].

Лингвистическому дискурсу дается такое нормативно-узуальное определение: «Дискурс (от франц. discours-речь) – связный текст с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс - это речь, погруженная в жизнь» [4, с. 136-137].

Обычно у дискурса различают 6 онтолого-гносеологических свойств: 1) дискурс может быть реализован как в устной, так и в письменной форме; 2) дискурс ориентирован только на кратковременное воздействие на реципиента, адресата; 3) дискурс включает в себе отображение ситуации в ее свернуто элиминированной форме; 4) дискурс проявляет всем своим лексико-синтаксическим составом предикативную соотнесенность с описываемой внеязыковой ситуацией; 5) дискурс содержит в своем плане содержания закодированную логическую структуру и сразу же предлагает способы и возможности для ее декодирования; 6) дискурс оперирует при таком декодировании четкими понятиями и смыслом, которые не предполагают никакой двусмысленности [5, с. 68-70], [6, с. 7-8].

Существует много самых разнообразных типов, видов и разновидностей дискурса, но все же на двух его противоположных полюсах располагаются дискурс рекламы и дискурс художественного произведения.

Любой рекламный текст прямо отвечает основному постулату природы дискурса - быть «речью погруженной в жизнь» и соответствует вышеназванным шести онтолого-гносеологическим критериям

вычленения дискурса: 1) является кратким по форме текстом, например, текстом рекламного объявления о продаже автомашины, он может быть реализован как в устной, так и в письменной форме; 2) он несет кратковременное действие, только до момента продажи автомашины; 3) он строго элиминирован и содержит только необходимые и релевантные высказывания, но при необходимости в него вносятся многочисленные уточнения, например, при объяснении покупателю автомобиля каких-либо важных характеристик данного автомобиля; 4) предикативная соотнесенность с внеязыковой ситуацией проявляется в акцентировании действительности предлагаемой дискурсивной информации; например, продавец автомобиля акцентирует в своем рекламном дискурсе положительную действительность предлагаемого товара; 5) содержание дискурса, а именно, рекламного дискурса, требует своего незамедлительного декодирования всей информации о предлагаемом товаре-автомобиле; и 6) понятия и смыслы, изложенные в дискурсе, здесь в дискурсе рекламы, должны быть ясными и однозначными, при двусмысленном толковании возникает ориентированная опасность того, что реципиент-покупатель откажется от товара.

Высказанные выше соображения в 6-ти критериях идентификации дискурса, а именно, рекламного дискурса, вне всякого сомнения, можно отнести и к выделению дискурса художественного, являющегося частью более широкого и масштабного литературного произведения. Только в этом случае необходимо учесть еще один критерий, принцип - то, что литературный художественный дискурс представляет собой такую виртуальную языковую сущность, т.е. основной смысл закодирован автором литературного произведения, но закодирован таким образом, чтобы дать наметки для декодирования со стороны реципиента-читателя [7, с. 15-16], [8, с. 67-68].

Но мы полагаем, что в случае с дискурсами художественного типа означенный выше критерий не может рассматриваться как обособленное свойство художественного дискурса, оно может быть обнаружено только при выявлении всех прочих 6-ти обозначенных выше –и в самом деле, если закодирование производится автором художественного произведения и в художественном дискурсе, оно как бы всегда предшествует другой составляющей принципа «раскодированию» со стороны читателя, а такое раскодирование происходит почти всегда в конце художественного дискурса.

Именно данный критерий, а такое, принцип, который как «пронизывает» всю семантическую структуру литературного художественного дискурса непосредственно привлекает реципиента-читателя к художественному «со-творчеству», которой имплицитно становится участником литературно-художественного процесса созидания художественного смысла, идеи литературного произведения [9, с. 23], [10, с. 35-36].

Для создания дискурса, равно художественного дискурса, представляется релевантным одно из толкований термина «пунктуация»: «правило, кодифицирующие нормы пунктуационного оформления письменного текста, исторически сложившиеся для конкретного языка» [4, с. 406].

Приведенное выше релевантное для нашего анализа толкование термина «пунктуация» является с точки зрения диахронии «исторически сложившимся», а, следовательно, с точки зрения синхронии узуальным, нормативным и общеупотребительным.

Такое общеупотребительное применение знаков препинания является как бы повсеместным при создании дискурса, также и его художественной разновидности является как бы повсеместным при создании дискурса, также его художественной разновидности. Но нередко случается и окказиональное употребление знаков препинания в художе-

ственном дискурсе. В этом случае постановка пунктуационного знака не соответствует общепринятому употреблению, оно уже характеризует каким-либо индивидуально специфическим вкусом и детерминировано некоторым особым контекстом [11, с. 284].

Узуальное (общепринятое, нормативное) употребление и употребление окказиональное (индивидуальное, специфическое) нередко имеют место в одном и том же художественном дискурсе, но узуальное употребление знаков препинания всегда преобладает над окказиональным. Например: ДИСКУРС 1:

“The window was still open, the curtains had not been drawn, the last of daylight from without mingled with faint intrusion from the lamp within; there was a scent of new-mown grass. With the wisdom of a long life old Jolyon did not speak. Even grief sobbed itself out in time; only time was good for sorrow - Time who saw the passing of each mood, each emotion in turn; Time the layer-to-rest. There came into his mind the words: ‘As panteth the hart after cooling streams’ - but they were of no use to him. Then, conscious of a scent of violets, he knew she was drying her eyes. He put his chin forward, pressed his moustache against her forehead, and felt her shake with a quivering of her whole body, as of a tree which shakes itself free of raindrops. She put his hand to her lips, as if saying: ‘All over now! Forgive me!’” [12, с. 44].

В приведенном выше английском художественном ДИСКУРСЕ 1 употреблены (7 из 10) в английской номенклатуре пунктуации знаков препинания. И 6 из них [·], [:], [-], [;], [·], [“ “] имеют узуальное употребление, и только один знак препинания [!] имеет употребление окказиональное и при этом в последнем предложении дискурса: *She put his hand to her lips, as if saying: “All over now! Forgive me!”* Тематический смысл в приведенном выше дискурсе можно обозначить как: молодая родственница Ирэн навещает аристократа Джюлиона в его загородном доме и игра-

ет несколько занемогшему дяде Джолио-ну некоторые пьесы на роле. Им обоим приходит в голову, что последняя пьеса напоминает о ее безвременно ушедшем из жизни женихе. Она расстроена, но берет себя в руки и всей своей мимикой показывает, что все прошло, и она просит извинения за доставленное ему неудобство.

По всей логике английская пунктуация восклицательного знака здесь стоять не должна, предложение не было высказано вслух, но автор предпочитает поставить здесь восклицательный знак, и при этом не один, а два, как бы невзначай разделив одно бессоюзное сложносоставное предложение на два простых нераспространенных. Оба восклицательных знака - это авторское отступление от узуальной нормы, долженствующие показать глубину переживания девушки.

ДИСКУРС 2: *“Кыйын таптап кете албай, дарбазаны кыйлага карап турдум. Ага атайын назар салып, бүгүн биринчи жолу тигиле карашым. Мурда бул дарбаза мен үчүн кирип-чыгуучу кадыресе гана бир эшик эле, азыр таптакыр башкача көрүндү. Бир туруп аны кыпкызыл чокко салыштырдым, болгондо да борбордо жаткан, калгандарын андан тутанып от алган кыпкызыл чокко окшоштурдум. Кайра туруп апачык көк асмандагы жаркыраган чоң жылдызга салыштырдым, калган жылдыздар ушундан жарык алып, жылдыз деп аталууга укук алгандай көрүндү. Анан алоолоп күйгөн отко окшоштурдум, эти от менен жалын болуп жаткан кемпир көз алдыма тартыла түштү! «Эмне эле өзүмчө азап тартып жатам, минтүүдөн эмне пайда?» - деп сурадым өзүмдөн. «Экинчи кайрылып келбейм да...» - дедим кайра. Негедир ичим күйүп. Өзүмчө эле сыздап-сыздап алдым...” [13, с. 97].*

В вышеприведенном кыргызском ДИСКУРСЕ 2 автор употребляет 7 знаков препинания (из имеющихся в кыргызской пунктуации 10): [., [-], [., [“ “], [?], [!] и [...].

Автор намеренно употребляет во внутренней речи главного героя дважды знак препинания многоточие. Этим он придает внутренней речи главного героя две функции: во-первых, как-бы актуализирует внутреннюю речь-размышление и переводит ее на уровень внешний, звуковой; во-вторых, завершает размышления автора неразрешимой дилеммой: придет ли он сюда и данным красным, как большой огонь, воротам старухи (она была сварлива и доставляла главному персонажу много неприятностей) или не придет больше никогда (она была бездетна и похоронила мужа еще до войны, но вырастила несколько осиротевших в войну детей: трех девочек и двух мальчиков). Дети выросли, встали на ноги, похоронили приемную мать-старуху, в доме остался младший приемный сын, кажется плотник в колхозе. Несмотря на личную неприязнь к старухе, он, главный герой повести, высоко чтит память старухи.

До сих пор мы подвергали лингвистическому анализу литературные художественные английские и кыргызские дискурсы прозаического жанра. Однако художественные дискурсы не ограничиваются только прозаическими произведениями - имеются также разновидности художественного творчества поэтического жанра, в основном, изложенные в стихотворной форме, т.е. имеются художественные поэтические дискурсы.

Уже предварительное рассмотрение функционирования системы пунктуации в художественных поэтических дискурсах показало, что они не имеют каких-либо принципиальных отличий от их функционирования художественных прозаических дискурсах – в обоих случаях узуальное употребление знаков препинания превышает над употреблением окказиональным – и это утверждение является действенным для обоих сопоставляемых языков: английского и кыргызского. Приведем некоторые примеры:

“ADDRESSED TO THE REV. J. T.

BEECHER,

ON HIS ADVISING THE AUTHOR
TO MIX MORE WITH SOCIETY

*Dear Beecher, you tell me to mix with mankind;
I cannot deny such a precept is wise;
But retirement accords with the tone of my mind:
I will not descend to a world I despise.*

*Did the Senate or Camp my exertions require,
Ambition might prompt me, at once, to go forth;
When Infancy's years of probation expire,
Perchance, I may strive to distinguish my birth.*

*The fire, in the cavern of Etna, conceal'd,
Still mantles unseen in it's secret recess;
At length, in a volume terrific, reveal'd
No torrent can quench it, no bounds can repress.*” [14, с. 77].

В стихотворном послании одному из своих приятелей, некоему Дж. Т. Бигеру по поводу своей отправки на вооруженную борьбу за свободу греческого народа от османских завоевателей в трех стихотворных четверостишиях он применяет узуальные нормативные знаки препинания: [.] – 3 раза, [;] – 4 раза и [,]-6 раз. Но один раз автор применяет знак препинания двоеточие [:] при окказиональных обстоятельствах. При прерывании стиха в строфе, а их насчитывается три, поэт ставит общепринятую точку. При прерывании стиха с соблюдением устойчивой семантической связи он употребляет нормативную запятую; в случае же, когда данная семантическая связь значительно ослаблена, он употребляет точку с запятой.

Но во второй половине первой строфы он неожиданно соединяет две строки пунктуационным знаком двоеточия – этим он хочет выразить свое авторское, а здесь патриотическое решение, что смысл за-

ложенный в последующей строке, прямо обусловлен и вытекает из смысла предыдущей строки. Хотя по всей логике подобного стихотворного жанра здесь должен был бы стоять узуальный знак препинания точка с запятой. *But retirement accords with the tone of my mind: I will not descend to a world I despise. Но отставка соответствует тону моего разума: Я не опущусь в мир, который я презираю.* [перевод наш. Ч. Ж.]

Здесь, в английском стихотворении мы имеем так называемую «поэтическую пунктуацию», когда имеет место «...сознательное отступление от нормативной пунктуации и ее индивидуальное, авторское использование в литературном тексте, необходимые для углубления семантики, повышения экспрессивности и организации ритма высказывания» [5, с. 313].

Приведем, однако, пример узуального и окказионального употребления пунктуационных знаков в кыргызском поэтическом дискурсе:

*“Мен кыргызмын! Күлүк минип зуулдаган,
Жер-асмандын эркесиндей дуулдаган.
Боз үйлөрдө гүл үстүнө тигилген,
Будут менен кучакташып уктаган.*

*Мен кыргызмын! Колунда ойноп комузу,
Тоо жаңырттып коңур бийик добушу.
Ар бир кечте ыр-күүлөргө термелип,
Магдыраган Ала-Тоодой конушу.*

*Мен кыргызмын баскан жолго баяндуу,
Кылымдары сырларга бай аяндуу.
Канымда ойноп Манас ата шер жүрөт
Касиети Көк теңирдей барандуу.” [15, с. 78].*

В приведенном выше лирико-патриотическом стихотворении автор Г. Момунова с пафосом утверждает мысль: «Мен кыргызмын!», которая является эмоционально присущей автору, а, следовательно, употребленной окказионально [!] 3 раза, в то время как знак препинания запятая [,] - употреблен только 5 раз, а знак препинания [.] – 6 раз.

Таким образом, в художественном дискурсе обоих сравниваемых языков узуальное употребление пунктуационных языков превышает в несколько раз употребление окказиональное и такое положение дел релевантно не только для дискурсов прозаического жанра, но также и для жанра поэтического, стихотворного.

Литературный художественный дискурс, созданный в прозе, выражает некоторую общую тему, которая распознается и выделяется воспринимающим реципиентом в зависимости от того, из какого вида художественного литературного произведения: романа, повести, рассказа, драмы и т.п. – вычленен и избран тот или иной дискурс. Здесь все зависит от общей идеи, смысла, темы литературного произведения: дискурс, избранный из романа, сохраняет в своей теме не только ретроспективные, но даже и проспективные нюансы и оттенки, в то время как дискурс, избранный из короткого рассказа, не эксплицирует такие ретроспективные и проспективные в семантике своей темы.

Дискурсивные темы всегда конкретны, хотя и могут проявлять пресуппозитивные

компоненты, соотносящие ту или иную тему с некоторыми ассоциативными представлениями, присущими общему литературно-художественному произведению, из которого избран тот или иной дискурс [4, с. 396].

Так в художественном ДИСКУРСЕ 1, тему которого мы обозначили как молодая родственница Ирэн навещает своего заболевшего дядю Джолиона-, можно провести некоторые пресуппозитивные ассоциативные связи с прошлыми жизненными обстоятельствами обоих собеседников.

Тема художественного ДИСКУРСА 2 прямо подразумевает в своей пресуппозиции некоторые благочестивые деяния умершей старухи, о личности которой размышляет главный персонаж повести.

Тема художественного ДИСКУРСА 3 в своей пресуппозиции прямо толкует гражданскую позицию автора как сугубо патриотическую и всецело присущую ему еще с незапамятных времен, т.е. еще в ретроспекции – *When infancy's years of probation expire.*

Тема художественного ДИСКУРСА 4, также патриотически пафосная, однако направлена не только на ретроспекцию, что было раньше, но также распространяется и на проспекцию развиваемой ситуации – *Касиети Көк теңирдей барандуу.*

Пунктуационные знаки будучи, употребительными большей частью в узуальном статусе, таким образом, прямо участвуют в организации литературного художественного дискурса как прозаического, так и поэтического жанра.

Литература

1. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126-139.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. - М.: Наука. 1981. – 140 с.
3. Ахатова Б. А. Политический дискурс и языковое сознание. Монография / Б.А. Ахатова – Алматы: Экономика, 2006. – 302 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В. Н. Ярцева. - Москва: Сов. энцикл., 1990. – 682, [3] с.: ил.; 27 см.; ISBN 5-85270-031-2.
5. Сорокин Ю.А. Взаимодействие реципиента и текста: теория и практика / Ю.А. Сорокин // Функционирование текста в лингвокультурной общности. – М., 1978. – 176 с.
6. Буркитбаева Г. Г. Деловой дискурс. Онтология и жанры / Г.Г. Буркитбаева. – Алматы: НИЦ "Тылым", 2005. – 232 с.
7. Борисова В. В. Художественный текст: аспекты анализа и интерпретации в школе и вузе: учебное пособие для высших учебных заведений, ведущих подготовку по направлению 44.03.01 "Педагогическое образование" / В. В. Борисова, С. С. Шаулов. – Уфа: Изд-во БГПУ, сор. 2015. – 191 с.: ил., табл.; 20 см.; ISBN 978-5-87978-919-5.
8. Dijk van T. A. Studies in the pragmatics of discourse / Dijk van T. A. – Hague: Mouton, 1981 – 331 p.
9. Домашнев А.И. Интерпретация художественного текста: [Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. 2103 "Иностр. яз."] / А.И. Домашнев, И.П. Шишкина, Е.А. Гончарова. – М.: Просвещение, 1983. - 192 с.
10. Сыдыкова Г. Б. Чингиз Айтматов и русский литературно-критический дискурс: социально-философские искания и контент романного творчества. / Г.Б. Сыдыкова. – Бишкек: КРСУ, 2013. – 232 с.
11. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
12. Galsworthy J. Indian Summer of a Forsyte / Galsworthy J. – Moscow: EKSMO, 2012. – 160 с.
13. Усубалиев Б. Тун. Повесттер / Б. Усубалиев. – Бишкек: «Авразия», 2009. – 412 б.
14. Байрон Дж. Г. Избранное, на англ. языке / Дж. Г. Байрон. – Изд. 2-е. М.: Прогресс, 1979. – 520 с.
15. Кыргыз аялдар поэзиясы /Kyrgyz Women Poetry/ Которгон жана жыйнакты түз. Калиева К. А. – Бишкек: Айат, 2007. – 92 б.